

Виктор Ерофеев

Очная ставка России с Европой

Европа без сомнения знает Россию меньше, чем мы – Европу. Очевидно, так было всегда, и эта традиция сохранилась. Мы для Европы были экзотической страной с дикими нравами. Дикими нравами для Европы отличался и Советский Союз – тоже, надо сказать, экзотическая держава, причем с мировыми амбициями, миссионерской идеологией, и тогда к экзотике у европейцев добавился страх. Вернее, он достиг своего апогея, потому что Европа чувствовала угрозу со стороны России еще и при царях – они готовы были наводить в Европе порядок – такой, как они его понимали.

Для нас же Европа была наименее экзотическим континентом на свете. Она скорее воспринималась как мера всех вещей, недостижимая норма и неустанно реализующийся идеал. Вплоть до расцвета фашизма мы в России болели Европой и - за Европу с присущей нам порой маниакальной страстью. Сейчас, в XXI веке, картина наших внутренних, душевных отношений с Европой смазалась и стала непрозрачной. Мы по-прежнему любим комфорт европейского стиля жизни, но смелость философских, политических, художественных решений в Европе ощутимо ослабла. Я спросил как-то одного, уже покойного, министра иностранных дел Польши, кто, на его взгляд, является наиболее ярким политиком Европы. Он задумался и вспомнил кого-то из Люксембурга. Его ответ и в самом деле был похож на долгожданный для наших почвенников закат Европы. Но и Европа платит нам тем же. Она с сожалением смотрит на закаты нашей демократии.

«Могут ли русская и европейская души идти вперед вместе?» – так придумали назвать мое выступление в Страсбурге. Название про идущих вместе душ звучало для моего уха одиозно, но для Европы оно, напротив, было чуть ли не романтично, поскольку за Европой тоже признавалась душа.

Понятно, что у нас к Совету Европы относятся по-детски просто. Когда Совет Европы с нами, его любят, а когда против – тогда пошли вон! В самой же Европе есть два противоположных мнения относительно нашего пребывания в Европе. Одно высказал Шарль де Голль,

определивший европейскую границу по Уралу. Другая известна у наших польских друзей, которые считают, что граница Европы проходит по Висле и даже восточная, наиболее бедная и пьющая часть Варшавы в Европу не попадает. В целом же, по-моему, европейцы считают нас Европой: такой большой-большой комнатой в европейском доме, которую давно не проветривали, полы не мыли, где есть пауки и тараканы, но мы не безнадежны: если нас отчистить, купить нам большой пылесос, то мы можем исправиться и стать опрятным членом Европы.

Легче всего говорить о культуре. Начиная с середины XIX века, у нас взаимопроникающие культуры, которые, как ни банально это звучит, дополняют и обогащают друг друга, причем делают это щедро, без напряжения. Здесь даже не нужно называть имена Толстого и Чехова. Но само пребывание России в Европе – вещь довольно сомнительная. Ведь даже канадскую душу трудно назвать европейской, хотя откуда она взялась, как не из Европы? Если говорить о русской душе, то она во многом противостоит своей западной соседке. Русская душа живет по-прежнему в волшебной сказке, деля героев на своих и чужих, ожидая чудес и не веря в усидчивый труд. Дважды за последний век (в 1917 и в 1991 г.г.) лишившись системы человеческих ценностей (как бы к ним ни относиться), она плавает в социуме, как в холодных водах катастрофы, подобной «Титанику». Ее политическая незрелость делает ее уязвимой для разнообразных манипуляций. Если иностранец задает мне вопрос, что русские думают, например, о той же Европе, ясно, что он ничего не понимает в России. Это все равно что спросить, какая погода сейчас в России. Мы чудовищно разобщены, у каждого свой душевный климат.

Каждый из нас сохранил некоторое количество ценностей. Откуда они? Из семьи, из книг, из телевизора, из опыта выживания. Но у каждого свой опыт выживания, свои семейные традиции. Поэтому мы похожи на людей, которые держат в руке мешочек с разноцветными шариками. Эти шарики – наши сохранившиеся ценности. Один шарик – это демократия, другой – имперские чувства, третий – национализм, четвертый – советские идеи, пятый – православие, шестой – государственный патриотизм, седьмой – либерализм, и так далее. Количества этих разноцветных шариков у каждого разное. У одного 68% демократии, у другого – 75% национализма. Мы держим свои мешочки с ценностями, и нам трудно договариваться между собой. Каждый раз мы начинаем

договариваться с самого начала – в этом сущность русский дискуссий сегодня. Русская душа разрывается от противоречий. Ей трудно. Ей никто не помогает.

Тем не менее, есть вещи, которые составляют некоторую вечную основу русской души. Это, прежде всего, воображение. Русская душа полна воображения. Это хорошая основа для творчества, для любой формы творчества. Это хорошая основа для страхов, надежды, веры в заговоры. Русское воображение рисует картины счастья. Русская душа хочет быть счастливой. Она немножко наивна и в чем-то похожа на детскую душу. Но когда ей мешают быть счастливой, она может быть весьма агрессивной.

Русская душа полярна. Она не любит компромиссов. Она совмещает в себе противоположные вещи. Она может одновременно любить и ненавидеть, быть послушной и бунтарской, принимать власть и готовиться к революции. Такой душой трудно управлять. Можно только пожалеть наше правительство.

Наконец, русская душа ищет смысл жизни. Она не может жить без поисков смысла жизни. Это не зависит от ее религиозности. Это ее натура. Вечные поиски смысла жизни. Она ищет смысл жизни, находит его, очаровывается им, разочаровывается и снова ищет. Так делали наши деды. Наши отцы, так делаем мы сами и наши дети тоже ищут смысл жизни.

Все эти качества делают русскую душу предметом для литературы. Ее интересно описывать. Каждая русская семья – это сюжет для романа. Мы все - герои романа под названием Россия.

Наша общая слабость – наша политическая незрелость. За русский народ традиционно думала русская интеллигенция. Народ до сих пор сохраняет архаические понятия об общественной жизни.

Когда я лечу из Москвы в Париж, Лондон, Страсбург, я говорю моим друзьям: Я лечу в Европу, и все понимают. Когда я лечу из Москвы в Пекин или Токио, я говорю друзьям, что я лечу в Азию. И это тоже понятно. Понятно, куда я лечу, но непонятно откуда. Москва оказывается не Европой и не Азией, она сама по себе. С одной стороны, это хорошо. Москва наполняется своим собственным содержанием. Но с другой

стороны у нее есть отчуждение по отношению к Востоку и Западу. Москва не только представляет собой отдельный мир, но и судит других по законам своего мира. В России любят или критикуют Европу не изнутри, а снаружи. У Польши нет выбора. Она – Европа. И если она недовольна Европой, она фактически недовольна и сама собой. Наше русское отношение к Европе гораздо более сложное. Оно раздвоено. Большая часть образованного русского населения всегда была готова любить Европу больше, чем Европа способна себя любить, мы любили Европу до обожания. Но с другой стороны Европа оставалась *terra incognita* для значительного количества простых русских душ. Наконец, с третьей стороны, русская консервативная власть видела в либеральных принципах Европы опасность своему существованию и была готова переходить в наступление.

Конечно, европейская душа более ответственна за свои поступки, чем мы. Но скорее всего у нас нет возможности быть за них полностью ответственными – в России давно отшибли такую возможность. Главное различие нынешней Европы и России в не том, что там признают однополые браки, а здесь – нет, а в том, что там государство обязано служить человеку, а тут человек обязан служить и служить. Но даже если он служит, верно служит или пресмыкается, все равно однажды его выбросят на помойку – это касается и сегодняшних лизоблюдов.

Правящая элита России в глубине души считает, что государство должно ей служить, но она также уверена в том, что народ должен служить государству и даже отдавать за него жизнь, служа в армии.

На этом уровне возникает причина для серьезной конфронтации. Европа считает, что Россия ограничивает свободу своих граждан, борется с оппозицией, секс-меньшинствами. Европа учит Россию, как жить. Она считает, что ее принципы лучше, чем в России. Это срашно раздражает государственную Россию. Она не верит, что Европа лучше нее. Напротив, она считает, что Европа делает ошибку за ошибкой, что Европа деградирует, что общество потребления – не самая лучшая модель человеческого общества, а провал мультикультуры в Европе – следствие ее бессилия.

Парадокс, однако, в том, что, критикуя Европу, Россия не предлагает альтернативу, как она делала при Советском Союзе. Она сама движется к потребительскому обществу, а международные конфликты,

особенно на Кавказе, ее сотрясают почти каждый день. Она ищет новой формы национальной идеологии и сейчас пробует ее найти в православии. Союз русского государства и православия очень опасен. Он чреват крайними формами национализма. Он на грани иранской катастрофы. Но этот союз на сегодняшний день - лишь одна из возможностей русского будущего.

Другое возможное будущее – воскрешение Советского Союза. В моей стране, где половина населения считает Сталина положительным героем истории, такое воскрешение возможно. Оно радует наших патриотов, оно придает им силы и укрепляет их смысл жизни. Как правило, это люди без высшего образования. Для них важен образ врага. В любом случае, ренессанс Советского Союза нельзя создать без участия Украины – именно ее решение пойти в Европу или приблизиться к России будет кардинальным для подобного ренессанса. То же самое можно сказать и о Грузии.

Возрождение идеи Советского Союза уже сейчас усложняет диалог Европы с Россией, однако насколько далеко пойдет этот возврат в СССР сказать трудно, потому что в нем почти полностью отсутствует идеологическая база.

Бог умер – этот лозунг Ницше был воспринят в Европе как достоверное знание. Пассионарные иммигранты с религиозными догмами по инерции, напротив, не живут. Борясь с агрессивностью в человеке, умирняя ее проявления, Европа надевает на себя шлем безопасности. Ремни безопасности, безопасный секс, безопасные бритвы – вот новые символы Европы. В общем, судьбу европейского человека должны решать антропологи, а не бюрократы.

Задолго до Шпенглера Достоевский искал старые камни Европы и не любил европейскую новь. Возможно, полнотелое рубенское существо Европы ищет каждое поколение.

Волки, которые могут съесть Европу, это ее отощавшие и переродившиеся ценности. Это ценности, которые все больше лишаются своего первичного содержания и существуют в основном в формальном измерении. Энтропия выматывает. В результате, Европа живет случайной жизнью. Об этом на всех перекрестках говорят современные европейские писатели, считая случайность хорошей сюжетной игрой.

Игра замещает смысл. Если проанализировать жизнь европейского человека, то в ней нет главного – в ней нет смысла жизни. Более того, об этом не принято говорить. Разговор о смысле жизни, как и о любых метафизических категориях, вызывает раздражение и презрительную улыбку. Европа ассоциирует метафизику с учением Церкви, которую она воспринимает как пережиток истории. Европейский человек рождается в комфорте вещей, ценность которых равна усилию, нужному на их приобретение. Образование воспринимает классические ценности Европы как латынь: она сформировала современные языки, но сама стала мертвым языком для мертвых. Общество потребления сделало европейца заложником моды. Работа превращается в гонку за второсортным престижем. Чтобы понять, о чем я говорю, достаточно посетить квартиру обычной европейской семьи. Недаром в России возникло понятие о евроремонте. Это – белая пустота, которая наполняется тем самым мещанским уютом и бытом, который из всех сил стремится не показаться мещанским. Такое усилие обеспечивается представлением о стиле. Европеец постоянно занят, даже отдых он превратил в занятие, которое не оставляет его один на один с самим собой. Это и есть бестелесные волки Европы: человек потерял представление о самопознании. Самопознание из экзистенциальной категории перешло в категорию практического знания о красоте, здоровье и времяпрепровождении. Жизнь стала скучной, но скука не замечается изнутри этой жизни, потому что жизнь заполнена до предела борьбой за достойную с точки зрения общей нормы жизнь.

Идеология Европы свелась к набору общеупотребительных понятий. Демократия перекрасилась в политическую корректность. Либерализм превратился в толерантность. Была утрачена иерархичность культуры как форма неуважения к электорату. Культура стала горизонтальной. Власть, между тем, сохранила свою пирамидальность, но об этом неприлично говорить. Европейцы почувствовали дискомфорт пустоты и вернулись к архаике национализма. Ради безопасности надо уничтожить любые жизненные риски. Борьба с курением – только первый шаг. Если футбол плодит агрессию болельщиков, почему бы не кастрировать футбол? Европейский человек озабочен агрессией, которую он излучает. Он не хочет признать, что она в природе человека точно так же, как в женщине неискореним сексуальный объект. Европа утрачивает свою человеческую живописность. Мужчины, которые боятся быть сексистами, становятся кроликами или сусликами. Человек не

может в один присест поменять свою сущность без того, чтобы не выглядеть смешным. Смените пол – и вы поймете, о чем я говорю. Европа становится бесконечным бегством в приют для престарелых с улучшенным питанием. Правда, из этого приюта можно ездить в Африку или на Кубу, чтобы порадоваться экзотике. Наконец, можно завернуть в Россию – и облегченно вздохнуть, возвращаясь домой из непредсказуемой страны. Мир стал прост, как меню бизнес-ланча. Европа бросилась в кусты от бандитов с большой дороги. Не имея ни Бога, ни атеизма, не имея ярко выраженных правых и левых форм политической жизни, она все больше становится предметом насмешки со стороны тех самых иммигрантов, которых она когда-то из чувства вины и политической щедрости пригласила к себе.

Европа, как женщина, думает, что она привлекательна. Все будет в порядке до тех пор, пока она не утратит эту иллюзию.

Но мы все равно поженимся! Причем поженимся и по расчету, и по любви. Наши души, русская и европейская, будут жить одной, многополой семьей. Ругаться будем, но биться – нет. Конечно, скорее Россия войдет в Европу, чем Европа – в Россию (как это было частично при Советском Союзе)... – ну, это теперь звучит как шутка.

А пока не удивляйтесь, европейцы, что вас не любят официальные деятели России: ваши идеалы совпадают с белыми ленточками русской оппозиции, а кому сидеть в тюрьме определяет победитель, а не побежденный. Европа волей-неволей оказывается полуврагом на какой-то неясный срок, но это наваждение пройдет. Мы поженимся!

А ведь сколько наших политических придурков считает, что Европа только и делает, что, по команде из США, раздувает русофобию и трясется от ненависти к нам... Да, кстати, у меня есть просьба: отмените визы! Отмените как ненужную вещь! Все наши бандиты все равно уже в Европе. Все проститутки – тоже! А нормальные люди мучаются...

Не знаю, прислушаются ли ко мне?